

Их гостем из дворца был евнух Фэн из дворца Фэньи. Евнух Фэн выполнял приказ императрицы, доставляя подарки, которые она подарила резиденции Наньань Хоу на Праздник середины осени.

В отличие от других родственников, которых они могли принимать или не принимать, как только приходит указ императрицы, будь то Лу Ваньчэн, Лу Цяосун или даже Лян Ши, все они, несмотря на свое плохое здоровье, должны были лично принять указ.

Не видя Лян Ши много дней, теперь Линь Цинюй мог оценить ее состояние – она выглядела на десять лет старше, и даже макияж не мог скрыть вызванных болезнью изменений. Глаза Лу Цяосуна были запавшими, а его шаги были слабыми. С одного взгляда было видно, что он совершенно потерял прежнюю уверенность. По сравнению с ними обоими, Лу Ваньчэн, хотя и болел гораздо дольше, все еще сохранял элегантность поведения. Все это благодаря лекарству, которое дал ему Линь Цинюй, а также было неотделимо от его хорошего душевного состояния.

Дары для Лу Ваньчэна, как единственного человека в резиденции, который был связан с императрицей по крови, несомненно, были самыми драгоценными. Помимо драгоценностей и нефрита, тонизирующих и лекарственных средств, среди подарков были две мантии из лисьего меха, которые были частью дани с севера, несколько рулонов шелка – часть дани с юга, и коробки с выпечкой того же вида, что подавались императору. Все эти подарки должны были быть вручены молодому мастеру Хоу и его жене. По сравнению с этим, подарки других людей были лишь простой формальностью.

Когда все получили свои подарки, евнух Фэн сказал: «Императрица* все время беспокоилась о молодом мастере Хоу. Она специально поручила этому слуге спросить о вашем здоровье. Как молодой мастер Хоу себя чувствовал в последнее время?»

[Примечание: 奶奶 / niángniang - устар. матушка-государыня, государыня-императрица.]

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Поблагодарите императрицу за ее заботу. Я чувствую себя довольно хорошо».

Евнух Фэн перевел взгляд на Линь Цинюй и сказал: «Это, должно быть, Линь-шаоцзюнь. Я слышал, как упоминалось, что императрица ответственна за брак между молодым мастером Хоу и шаоцзюнем. И все же, она еще не видела Линь-шаоцзюня».

Лу Ваньчэн услышал намек евнуха Фэна, и его улыбка немного померкла.

Наньань Хоу тоже услышал, на что пытался намекнуть евнух Фэн, и бросил на Лян Ши многозначительный взгляд. Однако с тех пор, как заболела, Лян Ши была рассеянной, и даже в этот момент замерла с ничего не понимающим выражением на лице. Наньань Хоу ничего не оставалось, как самому сказать: «После праздника моя супруга посетит дворец, чтобы поприветствовать императрицу. В это время я попрошу ее привести семью, чтобы выразить нашу благодарность за милость императрицы».

Евнух Фэн удовлетворенно кивнул и сказал: «Это очень хорошо. Тогда этот слуга не будет мешать воссоединению семьи мастера Хоу».

Наньань Хоу вежливо сказал: «Тогда будь осторожен в пути, евнух Фэн».

Все вернулись во двор со своими подарками. Линь Цинюй велел Хуа Лу разобраться с принесенными вещами. Та впервые увидела этот шелк из дани императору, а как только прикоснулась, то просто не смогла отпустить его.

«Я никогда не видела такого легкого материала, его, должно быть, очень прохладно носить летом. Завтра я пойду к швеям резиденции и попрошу их сшить из него новую одежду для молодого мастера и шаоцзюня».

Лу Ваньчэн сказал: «Ты можешь просто отдать все шаоцзюню. Мне это не понадобится».

«Ах, но почему?..»

Хуань Тун ударил Хуа Лу тыльной стороной ладони. Девушка тут же поняла свою ошибку и смущенно закрыла рот.

Линь Цинюй сказал: «Вы все можете идти».

После того, как их прервал евнух Фэн, ни один из них не был в настроении продолжать любоваться луной.

Лу Ваньчэн всегда был разговорчив и всегда улыбался. Теперь, когда он затих, даже если он не сказал ни слова, можно было сказать, что он немного расстроен.

Линь Цинюй не знал, что того беспокоит. Он и сам был весьма раздосадован. Хотя он стал относиться к Лу Ваньчэну как к близкому другу, это не означало, что он мог простить этот брак. Он не забыл, что именно императрица способствовала его браку с Лу Ваньчэном. Из-за этого у него может никогда не сложиться хорошее впечатление об императрице, даже если та искренне заботилась о племяннике.

После долгого молчания Лу Ваньчэн сказал: «Цинюй, я... Я не хочу, чтобы ты входил во дворец».

Линь Цинюй был озадачен: «Почему?»

Лу Ваньчэн тихо пробормотал: «Я просто... не хочу, чтобы ты это делал».

Линь Цинъюй нахмурился и сказал: «Я тоже не хочу идти во дворец и встречаться с императрицей. Однако, пока я допущен в Императорскую медицинскую канцелярию, рано или поздно я войду во дворец».

Лу Ваньчэна, казалось, внезапно осенило, и он нерешительно сказал: «Тогда ты можешь не вступать в Императорскую медицинскую канцелярию?»

Линь Цинъюй некоторое время молчал. Его голос был несколько холодным: «Ты серьезно?»

Если бы Лу Ваньчэн действительно имел в виду эти слова, то они бы действительно плохо узнали друг друга.

Лу Ваньчэн горько улыбнулся и сказал: «Тебе лучше притвориться, что я ничего не говорил».

На другой стороне резиденции, прямо на глазах у слуг, Наньань Хоу строго отчитал Лян Ши. Лу Няньтао стояла у двери, ожидая, когда Наньань Хоу выйдет из комнаты, желая замолвить словечко за мать. Наньань Хоу холодно сказал: «Тебе лучше убедить свою мать вести себя как хозяйка резиденции Хоу. Иначе... Кхм».

Сердце Лу Няньтао мгновенно упало.

Было вполне разумно, что Наньань Хоу был так недоволен. Его сыновья сталкивались с несчастьями один за другим, и он, как отец, естественно, был убит горем. Но жизнь должна продолжаться, и честь и слава семьи Лу все еще лежали на его плечах. Лян Ши была его женой, и обладала соответствующим титулом. Он мог оставить управление домашним хозяйством наложнице и невестке, но перед внешним миром он хотел, чтобы Лян Ши поддерживала его, сохраняя внешнее приличие.

Лу Няньтао понимала его причины. Она терпеливо пыталась убедить Лян Ши взять себя в руки, но та по-прежнему пребывала в унынии.

«Цяосун - мой единственный сын. Теперь, когда он почти мертв, на что еще я могу положиться?»

«Но разве старший брат тоже не останется бездетным? Независимо от того, родит ли кто-нибудь из этих иньян детей в будущем, или даже если отец усыновит ребенка из ветви, вы все равно будете их диму*. Как вы можете говорить, что вам не на что положиться?»

[Примечание: Диму - термин обращения, используемый детьми наложницы для официальной жены их отца. Потому что все дети, рожденные наложницами, считаются детьми официальной жены.]

Лян Ши печально сказала: «Что толку быть диму! Разве все эти годы я не была достаточно

добра к Лу Ваньчэну? Но он все равно отвернулся от меня!»

Лу Няньтао с тревогой сказала: «Значит, у вас все еще есть я, ваша дочь!»

«Дочь... — Госпожа Лян с кривой улыбкой сказала: — Рано или поздно дочь выйдет замуж. Как я могу на нее положиться?»

«Тогда это зависит от того, за кого дочь выйдет замуж. — Глаза Лу Няньтао блеснули немного заговорщицки. — Вы, должно быть, слышали об этих строках стихотворения:

„Многочисленным сестрам и братьям ее во владение земли он дал,

И завидного счастья немеркнувший свет озарил их родительский дом.

И уже это счастье под небом у нас для отцов с матерями пример:

Их не радует больше родившийся сын, все надежды приносит им дочь...“*

Если дочь удачно выходит замуж, разве это не приносит чести ее предкам? Просто посмотрите, разве это не относится и к нынешней императрице?»

[Примечание: Поэма великого китайского поэта Бо Цзюйи «Вечная печаль». Ее героиня Ян Гуйфэй известна как одна из четырех красавиц древнего Китая.]

Лян Ши была ошеломлена, в ее глазах все еще стояли слезы. Императрица... всегда была кем-то, на кого она злилась, но не осмеливалась заговорить. Младшая сестра императрицы была первой женой Наньань Хоу. Поэтому, естественно, она совсем не заботилась о той, что была всего лишь второй женой. Даже о двух ее детях никто не думал. Что касается переданных им сегодня подарков, то они не составляли и десятой доли подарков Лу Ваньчэна. В течение стольких лет она сдерживала свой гнев, ведь другая была женой императора, владелицей центрального дворца*, и ее родительская семья принадлежала Вэнь Гогуну. Тот был подобен солнцу в зените**, у Лян Ши не оставалось иного выбора, кроме как попытаться угодить императрице.

[Примечание: 中宫 / zhōnggōng. Центральный дворец, покои императрицы (также обр. в знач.: императрица).

**На пике своей власти/карьеры/и т. д. В полном расцвете.]

«Ты права. — Лян Ши выпрямила спину. — Я не могу и дальше так себя вести. Мама хочет устроить для тебя хороший брак. И когда я это сделаю, никто не посмеет смотреть на нас троих свысока!»

Лу Няньтао уже достигла брачного возраста, и последние два года Лян Ши присматривалась к кандидатам в мужа для дочери. Многие богатые семьи столицы состояли в родстве через брак, и все хозяйки домов были знакомы друг с другом. Если она хотела найти хорошую пару для Лу Няньтао, то больше не могла запереться в резиденции. Ей нужно было действовать. Возможно, войти во дворец, чтобы поблагодарить императрицу, может оказаться подходящей возможностью.

На следующий день Лян Ши «полностью оправилась» от своей болезни. Она передала просьбу войти во дворец и, получив разрешение императрицы, послала кого-то доставить сообщение в Павильон Голубого Ветра, попросив Линь Цинюй подготовиться войти во дворец вместе с ней.

Тот думал, что это просто смешно: «Мне, мужчине, неожиданно разрешили посетить гарем во дворце. Это просто беспрецедентно».

«Ты не можешь так говорить, — сказал Лу Ваньчэн, лежа на кровати. — Те императорские лекари, которые лечат наложниц, также могут входить и выходить из гарема».

Линь Цинюй взглянул на него.

«Ты действительно красноречивый».

Лу Ваньчэн тихо сказал: «Цинюй, я хочу пойти с тобой».

Линь Цинюй подумал, что он хочет увидеть свою тетю, и сказал: «В будущем будут другие шансы...»

Учитывая благородную личность хозяина дворца, больным людям не разрешалось входить, чтобы они не принесли с собой ауру болезни.

Линь Цинюй обычно одевался очень просто, но для визита во дворец, чтобы выразить свою благодарность, ему нужно было надеть более роскошную одежду. Лу Ваньчэн наблюдал, как Хуань Тун завязал вокруг талии нефритовый пояс*. Он не мог отделаться от мысли, что мог бы обхватить талию Линь Цинюй двумя руками – под этим он, конечно, подразумевал использование своих настоящих рук.

[Примечание: 玉带 / yùdài. Украшенный яшмой пояс (принадлежность высшего чиновничества)]

Как только Линь Цинюй закончил одеваться, великолепное одеяние ни капельки не казалось громоздким, скорее, оно делало его незапятнанным миром. Чем больше Лу Ваньчэн смотрел на него, тем больше ему становилось не по себе. Когда Линь Цинюй собрался уходить, он не смог удержаться и выпалил: «Цинюй, может, не пойдешь? Просто скажи, что ты внезапно заболел...»

«У меня нет возражений, но, может, ты назовешь мне причину?» — Линь Цинюй всегда знал, что Лу Ваньчэн что-то от него скрывает.

Тот сделал паузу и сказал: «Я не хочу, чтобы тебя видел наследный принц».

«Почему?»

После минутного колебания Лу Ваньчэн притворился расслабленным и сказал: «Не потому ли, что ты слишком хорошо выглядишь? Я боюсь, что этот скользкий* наследный принц может увлечься тобой. О, кроме наследного принца, ты должен остерегаться и императора. Старикам нравятся молодые и красивые...»

Линь Цинюй: «...»

[Примечание: Здесь использован термин 胖子 / yóunǐnán. Толстяк; неухоженный, полного телосложения мужчина средних лет. Но нас интересуют другие значения 胖 - жирный, грязный, засаленный, маслянистый, скользкий. В данном случае, это мужчина, чьи слова очень прямые, а эмоциональный интеллект очень низкий. Он не принимает во внимание чувства партнера, и говорит все, что хочет. Эгоцентричен и поверхностен, смотрит только на внешность, а не на душу. Это то, что я наскребла на Байду. Я делаю вывод: это внешне красивый, эгоистичный, поверхностный, невнимательный и неразборчивый в связях мужчина.]

Увидев выражение лица Линь Цинюй «Черт подери, конечно, я верю тебе», Лу Ваньчэн усмехнулся и сказал: «Цинюй, я действительно боюсь».

Линь Цинюй некоторое время молчал, а затем терпеливо сказал: «После Праздника середины осени состоится императорская осенняя охота. Прямо сейчас наследный принц и все остальные принцы должны быть в охотничьих угодьях, сопровождая императора. Я не столкнусь с ним».

Услышав это, Лу Ваньчэн почувствовал некоторое облегчение.

«Ты уверен?»

«Угу».

Каждый год осенью его отец входил в состав сопровождающей свиты. Это он помнил очень отчетливо.

Лу Ваньчэн вздохнул с облегчением и сказал: «Тогда иди. Произведи хорошее впечатление на императрицу и быстро возвращайся».

Линь Цинюй и пара матери и дочери отправились во дворец в одном экипаже. Нетрудно было заметить, что и Лян Ши, и Лу Нянтао очень тщательно оделись. Лян Ши отбросила ее прежнее унылое состояние. Она была одета в официальную придворную одежду; утонченная и элегантная. На Лу Нянтао были дымчато-голубые шелковые юбки. Она была похожа на цветок лотоса, только что поднявшийся из воды; казалась достаточно свежей и прекрасной, чтобы привлечь внимание тех, кто ее видел.

Экипаж остановился у ворот дворца. Остаток пути им пришлось пройти пешком. Линь Цинюй посмотрел на табличку высоко над дворцовыми воротами – год назад он никогда бы не подумал, что впервые войдет во дворец в качестве супруги-мужчины.

Все трое последовали за евнухом, который вел их во дворец Фэньи. Евнух Фэн ждал приехавших гостей и поприветствовал их: «Мадам, шаоцзюнь, юная леди, вы все здесь. Пожалуйста, следуйте за этим слугой».

В главном зале дворца Фэньи Линь Цинюй встретился с матерью Даюй, императрицей Вэнь.

Императрица Вэнь и Лян Ши были одного возраста. Хотя годы не пощадили ее, но она – императрица-мать, и властность и внушительность ее манер не имели себе равных. Она пригласила их троих сесть и обменялась небрежными приветствиями с Лян Ши, прежде чем переключить свое внимание на Линь Цинюй.

С такими чертами лица и осанкой, хотя и родился в обычной семье, он действительно был хорошей парой для единственного сына ее сестры.

Императрица Вэнь сказала: «Я слышала, что тело Ваньчэна сильно улучшилось с тех пор, как ты вошел в резиденцию Хоу (через брак). Похоже, моя просьба к императору даровать вам этот брак не была напрасной».

Как будто это было какое-то большое одолжение*.

[Примечание: Более точно, «благотворительность, оказываемая из жалости». 施 / ēncì. Дар, милость, милостыня, подачка; пожаловать, даровать.]

В глубине души Линь Цинюй испытывал лишь отвращение. Но он знал, что дворец отличался от резиденции Хоу, и прямо сейчас, перед императрицей, единственное, что он мог сделать, — это терпеть.

Императрица Вэнь снова заговорила: «Это ты сейчас заботаешься о здоровье Ваньчэна?»

Линь Цинюй уловил аромат уникальных благовоний дворца Фэньи и сказал: «Да».

Императрица Вэнь одобрительно кивнула.

«Как и ожидалось от сына Линь Юань Пана».

Все слова императрицы Вэнь вращались вокруг Лу Ваньчэна. Если не считать первоначальной вежливости, она ни разу не сказала ни слова паре матери и дочери. Ими пренебрегали и игнорировали, но им пришлось сохранить на лицах почтительные улыбки.

Пока они разговаривали, вошел евнух Фэн и доложил: «Императрица, Его высочество, наследный принц, направляется во дворец Фэньи. Он, должно быть, пришел засвидетельствовать свое почтение».

Линь Цинюй слегка нахмурился - почему наследный принц появился во дворце Фэньи именно в это время?

У императрицы Вэнь тоже возник тот же вопрос: «Разве наследный принц не отправился на охоту с императором?»

Евнух Фэн сказал: «Император случайно простудился и вернулся раньше».

Хотя наследного принца родила наложница Чэнь, в конце концов, императрица была его диму. Когда он вернулся из поездки, то, естественно, хотел сначала посетить дворец Фэньи, чтобы поприветствовать ее.

Линь Цинюй несколько не боялся встречи с наследным принцем, но так как Лу Ваньчэн не хотел этого, он решил избегать принца.

Линь Цинюй встал и сказал: «Поскольку наследный принц здесь, мы откланяемся первыми».

Лу Няньтао открыла рот, как будто собираясь что-то сказать, но императрица Вэнь кивнула в знак согласия и попросила евнуха Фэна вывести их из дворца Фэньи.

Выходя, Линь Цинюй увидел молодого человека с нефритовой короной на голове, одетого в темную мантию с драконьими узорами, который шел издали. Он сразу же ускорил шаг.

Лу Няньтао, которая шла за ним, сказала: «Почему невестка так спешит уйти? Наследный принц прямо перед нами. Не будет ли невежливо, если мы не подойдем поприветствовать его и не засвидетельствуем свое почтение?»

Линь Цинюй холодно сказал: «И ты, незамужняя девушка, проявившая инициативу, чтобы поприветствовать его, считалась бы вежливой?»

Лу Няньтао пристыженно замолчала, ее лицо покраснело. И все же, ее ноги, казалось, пустили корни, она не хотела делать больше ни шагу. Из-за ее задержки наследный принц уже

предстал перед ними, и Линь Цинюй мог только последовать за евнухом Фэном, чтобы поприветствовать его: «Приветствую Ваше высочество».

Принц обладал выдающейся внешностью. Он был красив и утончен. Более того, как наследник престола, он обладал выдающимся статусом. Неудивительно, что у Лу Няньтао появились такие мысли.

Возвышаясь над ними, наследный принц смотрел на них сверху вниз. Его взгляд скользнул мимо Лян Ши и Лу Няньтао, остановившись на Линь Цинюй.

«Кто ты такой? Как ты можешь посещать императорский гарем?»

Евнух Фэн сказал: «Ваше высочество, это шаоцзюнь резиденции Наньань Хоу, сын Линь Юань Пана, Линь Ши».

«Шаоцзюнь, — принц прищурил глаза, — это супруга-мужчина?»

«Именно».

Наследный принц сказал с большим интересом: «Подними голову».

Линь Цинюй: «...»

«Разве ты не слышал, как я с тобой разговаривал?»

Я тебя не слышу, проваливай.

Линь Цинюй глубоко вздохнул. Опустив глаза, он медленно поднял голову.

Наследный принц заметил родинку-слезинку в уголке глаза - и его зрачки внезапно сузились, дыхание участилось.

Евнух Фэн провел во дворце много лет и привык понимать мысли человека по языку его тела. Он тихо напомнил: «Наследный принц, вас ждет императрица».

Казалось, будто наследный принц очнулся ото сна. Он осознал свою оплошность, его глаза по-прежнему были прикованы к Линь Цинюй, когда он спросил: «Как тебя зовут?»

«...Линь Цинюй».

«Линь Цинюй. — Уголки губ наследного принца приподнялись, и он сказал с полуулыбкой: — Я запомню тебя», — сказав это, он развернулся и вошел во дворец Фэньи.

Внезапно Линь Цинюй почувствовал, что фраза Лу Ваньчэна «Все мои чувства и страсть для Цинюй» звучала не так неприлично.

Вернувшись в резиденцию, Линь Цинюй скинул роскошное одеяние и переоделся в обычную одежду. Лу Ваньчэна он нашел в спальне. Тот, казалось, долго боролся со сном — он зевнул и сказал: «Ты вернулся? Эй, почему ты переоделся? Я еще недостаточно наглядделся на роскошного тебя...»

«Сегодня во дворце я видел наследного принца».

Лу Ваньчэн на мгновение был ошеломлен. Затем его сонливость как рукой сняло, он взволнованно спросил: «Как так вышло?»

Линь Цинюй рассказал ему обо всем, что произошло во дворце Фэньи. Пока Лу Ваньчэн слушал, его глаза постепенно затуманились, и он откинулся назад. Он прошептал: «...Бл*ть».

Линь Цинюй поднял брови.

«Есть какие-то проблемы? Наследный принц, он...»

Лу Ваньчэн на мгновение задумался и спросил: «Маслянистый?»

Линь Цинюй кивнул.

«Немного».

Лу Ваньчэн одарил его своей обычной улыбкой.

«Вы двое уже встретились, ничего не поделаешь. Лекарь Линь может делать все, что хочет. Об остальном пусть беспокоятся другие».

Ночью Линь Цинюй был разбужен от своего неглубокого сна тихим кашлем. Он открыл глаза и увидел за ширмой свет свечей. Юноша встал с луохана и обошел ширму. Он увидел сидящего за столом Лу Ваньчэна в одежде для сна с накинутым на плечи халатом. Кашляя, тот что-то писал. Увидев приближающегося Линь Цинюй, он сказал: «Я тебя разбудил? Извини, я не смог сдержаться... Кха».

Линь Цинюй налил ему стакан теплой воды и сказал: «Уже так поздно, чем ты занимаешься»

вместо сна?

Лу Ваньчэн перестал писать, прижал кулак к губам и пару раз кашлянул, сказав: «Кое о чем думаю».

Линь Цинюй посмотрел вниз и увидел несколько имен и два странных словосочетания, написанных на пергаменте: [Северный регион], Сяо Чэн и Шэнь Хуайши (?), Сяо Цзе и маленький евнух, Сяо Ли (X) и императрица.

«Сяо Чэн, Сяо Цзе и Сяо Ли – это имена трех принцев. — Линь Цинюй понизил голос: — Ваньчэн, о чем ты думаешь?»

Увидев серьезное выражение лица Линь Цинюй, Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Я просто пишу все подряд, не беспокойся». – После этого он сложил бумагу пополам и сжег ее, используя пламя свечи.

Интуиция подсказала Линь Цинюй, что Лу Ваньчэн ничего не делал просто так, и это не простые записи. У него... был план, в котором учитывались принцы.

Зачем ему это?

Лу Ваньчэн не имел привычки покидать резиденцию. Даже если императрица была его родной тетей, он никогда не связывался ни с одной из сил во дворце. Может быть, это для резиденции Наньань Хоу?

Наньань Хоу был важным министром двора. Император высоко ценил его именно за то, что тот никогда не вмешивался в политические споры. До тех пор, пока он будет довольствоваться своим жребием, оставаясь верным императору и наследному принцу в будущем, резиденция Наньань Хоу будет продолжать процветать. Лу Ваньчэну абсолютно ничего не нужно было делать.

Тогда это для...

Линь Цинюй тихо спросил: «...Это для меня?»

Лу Ваньчэн на мгновение замолчал. Он сказал наполовину правду, наполовину ложь: «Верно, посмотри, как я добр к тебе. В одном шаге от смерти я все еще не забываю в последний раз побеспокоиться о тебе. — Одной рукой он провел по щеке, неосознанно вертя кисть другой. При ярком свете свечей он улыбнулся Линь Цинюй и сказал: — Вот почему этой осенью ты должен быть немного мягче со мной. Ты не можешь вести себя со мной жестоко, хорошо?»

Капли чернил разлетались с кончика вращающейся кисти. Когда Линь Цинюй посмотрел на черные капли, попавшие на его халат для сна, то не мог сказать, что чувствовал.

Эти арты - мое представление Циньюй во дворце: справа - похож характер (но меч мысленно удалите, или им Циньюй зарежет похотливого принца), слева - мне просто нравятся роскошные одежды, но слишком уж они фэнтэзийные для этой новеллы.

Переводчику есть что сказать:

ессо: Не могу не познакомить вас с переводом Александра Родсета. В тексте использован более дословный перевод Б. Эйдлина, но мне нравится более поэтический вариант. Вспомнила стихи Шекспира и сама заговорила стихами!

Бо Цзюйи - Песня вечной печали

Китайский император,

властитель и кумир,

искал красы повсюду,

что сотрясает мир.

Он правил Поднебесной,

но сколько лет ни жил —

нигде такого чуда,

увы, не находил.

А в доме Янов дочка

в расцвет едва вошла —

в тиши покоев женских

в безвестности жила.

Но разве можно спрятать

прекрасный дар небес?

В наложницы избрали,

прислали во дворец.

Могла любое сердце

улыбкой растопить,

напудренных прелестниц

могла она затмить.

В прохладный день весенний

в источниках Хуацин

заметил повелитель

ту, что купалась с ним.

Она вошла в источник,

и кожа, всех белей,

как жемчуг засияла,

омытая в тепле.

Ей помогали слуги —

ведь так была нежна:

купаньем утомившись,

не вышла бы сама.

Лицо — цветов прекрасней,

и смоли блеск в глазах,

и золото заколок

искрилось в волосах.

Такой впервые встретил —

нагой, лишенной сил,

и милостью впервые

ее он одарил.

И той весной все ночи

он был с ней до утра,

и густо цвел гибискус

вокруг ее шатра.

Едва ли не к полудню
вставая день-деньской,
жалели лишь, что ночи
так коротки весной.

С тех пор приемов утром
монарх не проводил.

Она ему служила
и украшала пир,
в пути сопровождала
среди чужих земель
и долгими ночами
делила с ним постель.

Три тысячи наложниц
забыл он той весной
и променял их нежность
на ласки лишь одной.

Он спутницу и друга

нашел в ее лице...

Так проходило время

в нефритовом дворце.

Величие вдохнула

в свою она семью —

на должности придворных

пристроила родню.

В те годы все охотно

рожали дочерей —

решив, что дочки к славе

ведут куда верней!

Дворец Хуацин купался

в лазурных облаках,

и музыка, как с неба,

была слышна в горах.

На пение и танец,

рисунок стройных ног,

никак налюбоваться

наш государь не мог.

"Из радуги и перьев

наряд" прервался вдруг:

в Юйяне барабаны

всё сотрясли вокруг.

И пыльная завеса

от тысяч колесниц

взвилась до самых верхних

на крепости бойниц.

Враг с северо-востока

идет за рядом ряд!

Забыт теперь расшитый

каменьями наряд,

теперь пора знамена

нефритом расшивать!

Чтобы сперва — сражаться,

а после... отступать.

Бежать, бежать на запад,

не сохранив лица,

на сотню ли, все дальше,

все дальше от дворца!

А в войске слышен ропот,

и вот однажды днем

шесть армий государя

предстали пред шатром.

И так сказал глашатай:

«Нам выдай Ян-гуйфэй!

Ведь всей войны причина

лишь в ней и только в ней!

Она во всем повинна —

так говорит молва!

Не сделаем ни шагу,

пока она жива!»

В печали село солнце
за склон горы Эмей,
когда упало тело
прекрасной Ян-гуйфэй.
Цветной убор из перьев
и шпилька с воробьем
лежать в пыли остались
нетронуты, вдвоем.

Лицо закрыв руками —
не смог ее спасти —
монарх лишь кровь и слезы
все видел по пути.

И желтой пылью ветер
устлал, куда ни глянь,
холодные вершины
на перевале Цзянь.

Как будто провожая

утраченную жизнь,

и небо стало мрачным,

и флаги не вились.

Зеленых гор не видя

и водяных зеркал,

всё государь наш думал

о той, что потерял.

Печальными ночами

смотрел он на луну,

храня в разбитом сердце

лишь Ян-гуйфэй одну.

В горах бушует ливень,

и стонут сквозняки,

а он лишь слышит песню

печали и тоски...

Но вот мятеж подавлен,

войне пришел конец,

с драконом колесница —

обратно во дворец.

И снова то же место,

где умерла гуйфэй...

Он сходит с колесницы

и думает о ней.

Кругом лишь грязь и камни,

не видно и следов

нефритового лика

прекрасней всяких слов.

Ничем ты не приметна,

пустынная страна —

лишь тяжело на сердце:

здесь умерла она.

Монарх переглянулся

со свитой — потом

украдкой вытер слезы

расшитым рукавом.

Дальнейший путь в печали

так медленно прошли —

ведь лошадей не гнали,

они едва брели.

И вот опять в столице;

там, избежав беды,

нетронуты, как прежде,

озера и сады,

и расцветает лотос,

в нем не найти изъян,

и зеленеют ивы

вокруг дворца Вэйян.

Но лотос луноликий —

он на нее похож,

а ивы — словно брови,

как слез тут не прольешь?

Прощай, цветущий персик,

ты проводил весну!

Вот осень фирмианы

раскрасила листву.

На западе и юге

дворца стояло два

забытых — поглотила

осенняя трава.

Дорожки стали в листьях

тихонько утопать —

никто о них не помнит,

не станет выметать.

Певцы седыми стали,

а свита и гарем

в заброшенных покоях

состарились совсем.

И только вечерами,
среди ночных стрекоз,
сидит наш повелитель,
и воздух полон грез.

Свеча уже сгорает,
а сон все не идет —
лишь колокольчик стражи
отмерит ночи счет.

Пуста и бесконечна —
не жить и не заснуть.

И только там, на небе,
сияет Млечный Путь.

На рыжих черепицах
теперь заметен лед,
все тяжелее иней,
уже зима идет.

Не греет одеяла

нефритовая нить —

оно бы и согрело,

да не с кем разделить.

Между живым и мертвой

прошел не первый год.

Она к нему и в дреме

ни разу не придет...

И вдруг молва проходит —

приехал спиритист:

в столице из Линьцюна

священник-даосист.

Умеет благочестьем

он духов вызывать!

Наш государь в покои

велит его призвать;

и умоляет, плачет,

и хочет встречи с ней —

жреца он убеждает

дух отыскать гуйфэй.

И жрец вознесся духом

в седые небеса,

и оглядел оттуда

и реки, и леса.

И в запредельном синем,

и в выжженных полях —

но не хранили следа

ни небо, ни земля.

Внезапно он прослышал —

за морем есть страна,

а в ней гора, и дымкой

она окружена.

А на горе той — башня

цепляет облака,

в ней люди красотою

почти равны богам.

А среди них есть некто

по прозвищу Тайчжэнь,

со снежно-белой кожей,

с глазами, словно день.

Лицом она прекрасна,

но что всего важней —

насколько она схожа

с потерянной гуйфэй!

Осталось постучаться

в нефритовую дверь!

...И у ворот той башни

наш жрец стоит теперь,

Стоит и умоляет

посланье передать —

гонцом от Сына Неба

велит себя назвать.

Гонцом от Сына Неба?

Услышав так, она

вдруг вздрогнула, как будто

очнувшись ото сна.

Откинув и подушки,

и плед, что были с ней,

в смятеньи зашагала

по комнате своей.

И все же вышла к гостю,

убрав своей рукой

серебряную ширму

и полог кружевной.

Была прическа сбитой

(поскольку прилегла),

и съехали уборы

с прекрасного чела.

Вдруг ветерок коснулся

небесных рукавов —

и те затрепетали,

и понял жрец без слов,

что точно так же в танце

плясали ткани с ней,

"Из радуги и перьев

наряд" звучал гуйфэй.

Она была печальна,

пришла — и в тот же миг

вдруг слезы расчертили

ее прекрасный лик,

но оттого лишь стала

красивее лицом —

так хорошеет груша,

омытая дождем.

«Скажите государю:

я благодарна, но...

расстались, как чужие,

мы с ним давным-давно.

Мы так пылали страстью

в чертогах золотых —

но все давно пропало,

не вспомнить мне о них.

Мне пусто и спокойно

здесь, на горе Пэнлай,

а прошлое в Чанъани

и смертные дела —

я очень плохо помню,

все в дымке и в тенях...

В знак прошлых чувств отдайте

подарок от меня.

Себе я сохранила,

чтоб помнить о былом,

ларец для украшений

и шпильку с воробьем.

Отдам ему полшпильки

и полларца — как мы,

пусть будут половинки

навек разделены.

Но как тверды и шпилька,

и золотой ларец —

таким пусть будет сердце.

Однажды, наконец,

увидимся мы снова —

неважно, как и где,

среди живых ли, мертвых,

на небе, на земле...»

Почти ушла... И все же

вдруг стала умолять

две строчки тайной клятвы

монарху передать,
что в Зале Долголетия,
в день семь седьмой луны,
они друг другу дали
и не забыть должны:

«Нам, птицам неразлучным,
судьба одна дана,
как двум ветвям на древе,
сплетенным, как одна.

И пусть земля и небо
конечны под луной,
грустить я буду вечно,
пока вы не со мной».

<http://bllate.org/book/15122/1336644>